

14. *Toporov V. N., Trubachev O. N.* Lingvisticheskiy analiz gidronimov Verhnego Podneprov'ja. M.: Izd-vo Akad. Nauk SSSR, 1962. 270 s.
15. *Unbegaun B. O.* Russkie familii / Per. s angl. M.: Progress, 1989. 440 s.
16. *Jurkenas Ju.* Onomastika kak fragment lingvisticheskoy paleontologii // *Rusistika i komparativistika: Sb. nauch. statej. Vyp. IV.* Vil'njus; M.: Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla, 2009. С. 129–140.
17. *Jurkenas Ju.* Osnovy baltijskoj i slavjanskoj antroponimiki. Vil'njus: Ciklonas, 2003. 196 с.
18. *Jakovenko M. V.* Transonimizatsija kak onomasticheskaja universalija // *Λογος όνομαστικη*. 2009. № 1(3). S. 6–8.
19. *Бірыла М. В., Ванас А. П.* Літоўскія элементы ў беларускай аनाмастыцы. Мінск: Навука і тэхніка, 1968. 100 с.
20. *Bednarczuk L.* Językowy obraz Wielkiego Księstwa Litewskiego. Millennium Lithuaniae MIX — MMIX, Kraków: Lexis, 2010. 311 s.
21. *Būga K.* Rinkiniai raštai. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslines literatūros leidykla, 1958–1962. 3 t.
22. *Krahe H.* Sprache und Vorzeit. Heidelberg: Quelle & Meyer, 1954. 180 s.
23. *Laučiūtė J.* Senieji baltų etnonimai indoeuropietiškosios onomastikos fone // *Baltistica* 24, 1988. P. 56–61.
24. Lietuvių pavardžių žodynas /A. Vanagas, V. Maciejauskiene, M. Razmukaite. Vilnius: Mokslas, 1985–1989. 2 t.
25. Lietuvos TSR administracinio-teritorinio suskirstymo žinynas / Parengė Z. Noreika ir V. Stravinskas. Vilnius: Mintis, 1976. 2 d.
26. *Rymut K.* Nazwiska Polaków: słownik hist.-etymologiczny. Kraków: Pol. Akad. Nauk, Inst. Języka Pol., 1999–2001. 2 t.
27. *Schmid W. P.* Baltische Gewässernamenn und das vorgeschichtliche Europa // *Indogermanische Forschungen*, 77. 1972. P. 1–18.
28. *Trautmann R.* Die altpreußischen Personennamen: ein Beitr. zur balt. Philologie. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1925. 204 s.
29. *Vanagas A.* Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas, Vilnius: Mokslas, 1981. 408 p.
30. *Zinkevičius Z.* Lietuvių asmenvardžiai. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2008. 840 p.
31. *Zinkevičius Z.* Lietuvių tautos kilmė. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2005. 328 p.

Г. А. Калмыкова

ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ И КАТЕГОРИЯ ЛОКАТИВНОСТИ

На материале немецкого языка рассматривается корреляция между категориями локативности и каузальной обусловленности, определяются ситуации, характерные для их синкретизма. Выявляется роль пространственного дейксиса и основные способы его репрезентации для причинно-следственных отношений в немецком языке. Описываются семантические типы предикатов, благодаря которым репрезентирован синкретизм локативности и обусловленности.

Ключевые слова: немецкий язык, причинно-следственные отношения, категория локативности, пространственный дейксис.

G. Kalmykova

Cause-And-Effect Relations and Locative Category

The article regards the correlation between two categories: locative and causative and the situations characteristic for their syncretism. The role of space deixis and the main means of its representation for German cause-and-effect relations are dwelt upon, and the semantic types

of predicates related with the representation of the locative and causative syncretism are described.

Keywords: German, cause-and-effect relations, locative category, space deixis.

Причинно-следственные отношения в немецком языке выражаются многочисленными средствами, которые принадлежат к разным языковым уровням: от слова до сложного предложения или сегмента текста [6; 7]. Особенности функционирования структур с причинно-следственным значением зависят от многих факторов. Цель нашей статьи состоит в том, чтобы определить влияние категории локативности и пространственного дейксиса на особенности репрезентации причинно-следственных отношений в немецком языке.

То, что категория локативности относится к факторам, влияющим на формирование функциональных дискурсивных вариантов причинно-следственных отношений, не подлежит сомнению. Однако прямой и очевидной зависимости, которая существует, например, между категорией темпоральности и категорией причинности [22], мы не наблюдаем. Это объясняется следующим: категория темпоральности часто сопутствует категории причинности, поскольку и говорящий, и слушающий рассматривают цепь событий как явления взаимосвязанные, причинно и темпорально обусловленные [5]. Говоря о времени как об объективной категории, мы имеем в виду, прежде всего, события, которые происходят во времени. В случае категории локативности мы имеем в виду предметы, которые существуют в пространстве и взаимодействуют друг с другом.

Элементарными понятиями, позволяющими передать процесс ориентации в пространстве, являются, во-первых, *Что*, то есть реально воспринимаемый объект, и *Где*, то есть в каком-то определенном месте, находящемся, по меньшей мере, в поле нашего зрения. Способность сохранять пространство в памяти позволяет рисовать его в воображении. Полученные картины назы-

ваются «ментальными картами». Исследования свидетельствуют: только *Что* связано с нашим сознанием, в то время как *Где* воспринимается человеком на подсознательном уровне; оно определяет формальные рамки, в которых существует *Что* [27, с. 87].

Ментальные карты могут быть как субъективными, присущими какому-то определенному субъекту (говорящему), так и объективными (конвенциональными), общепринятыми в языковом сообществе. Так, высказывание *Der Kerl sah aus wie ein Vertreter aus Lappland* позволяет вызвать из подсознания каждого члена языкового сообщества вполне определенную картину местности под названием *Lappland* и все, что с нею связано, и перенести ее характерные черты на персонажа, которого описывает говорящий. Ментальные карты, или, по выражению К. Бюлера, «представления воспоминаний и фантазии» [4], которые служат опорой нашей собственной речи и пониманию речи других, сопровождают высказывание, а порой частично и заменяют его.

С ментальными картами тесно смыкается понятие пространственного дейксиса. Именно его наличие в языке позволяет осуществлять процесс референции: с одной стороны, — это описание или название, с другой стороны, — это локализация [24, с. 81]. Конкретизация пространственного дейксиса позволяет детализировать ментальную карту. Рассмотрим следующий пример:

Wer durch Schwaben reist, der sollte nie vergessen, auch ein wenig in den Schwarzwald hineinzuschauen; nicht der Bäume wegen, obgleich man nicht überall solch unermessliche Menge herrlich aufgeschossener Tannen findet, sondern wegen der Leute, die sich von den anderen Menschen ringsumher merkwürdig unterscheiden [19, с. 373].

В вышеприведенном отрывке основными локализаторами являются географические названия (Schwaben; Schwarzwald) и наречия места (überall; ringsumher), а также отделяемая приставка со значением направления движения (hinein-); кроме этого картину достаточно абстрактного пространства дополняют объекты, которые оживляют и персонализируют изображаемую местность: Bäume; (herrlich aufgeschossene) Tannen; Menschen (die sich von den anderen merkwürdig unterscheiden). Как видно из приведенного примера, элементарные средства выражения пространственного дейксиса, такие как наречия и отделяемая приставка с дейктическим значением, дополняются географическими названиями, которые также приобретают характер дейксиса. Это происходит вследствие того, что названия соотносятся с масштабными денотатами, что позволяет им приобрести статус пространственного дейксиса, благодаря чему круг дейктических элементов значительно расширяется. В условиях функционирования языка область пространственного дейксиса включает в себя все новые и новые элементы. Таким образом, пространственный дейксис смыкается с предметным дейксисом.

Дейксис рассматривается как «основной механизм для включения в высказывание информации из нелингвистического контекста речевого события» [16, с. 154]. Пространственный дейксис — это механизм соотношения высказывания с пространственным контекстом [14, с. 267]. К пространственному дейксису относят указательные местоимения, наречия места, а также некоторые глаголы движения и действия.

В работах, посвященных исследованию дейктической функции языка, пространственный дейксис неизменно присутствует в различных вариантах классификаций, хотя авторы обозначают его по-разному: эндофорический и экзофорический виды дейксиса (в зависимости от центра ориентации высказывания) [17, с. 492]; темпорально-

локальный дейксис [23]; пространственный дейксис [18]. По определению С. Левинсона, «дейксис места и пространства (Orts- und Raumdeixis) представляет собой спецификацию местоположения относительно ключевых (опорных) точек (Ankerpunkten) в сообщаемом высказывании» [24, с. 81]. Подчеркивается связь референции с дейксисом, поскольку он соотносит объекты и ситуации, относительно которых в высказывании осуществляется референция, с пространственно-временной константой *здесь-и-сейчас* [9, с. 291].

Таким образом, пространственный дейксис обеспечивает пространственную прагматику высказывания. Важным в понятии дейксиса является и то, что он обеспечивает эффективность акта коммуникации при наличии у коммуникантов общих «фоновых» знаний [12]. Что касается выбора дейктических элементов, то это во многом зависит от интенций говорящего. Для пространственного дейксиса характерен широкий спектр реляционных отношений, но наиболее значимой является оппозиция ближнего и дальнего. Многообразие реляционных отношений, устанавливающихся в пределах пространственного дейксиса, позволяет говорить не только об указательных местоимениях и наречиях, но и о различных обстоятельствах места, о придаточных предложениях места, об отделяемых полупрефиксах в составе глагола, о глаголах с семантикой передвижения в пространстве. В связи с этим особый интерес представляют взгляды К. Бюлера на эту проблему. Исследуя особенности языковых репрезентаций, связанных с ориентацией в пространстве, он различает *demonstratio ad oculos*, анафору и «дейксис к воображаемому» (*deixis am Phantasma*) [4, с. 111]. Основное отличие *demonstratio ad oculos* от «дейксиса к воображаемому» заключается, по мнению К. Бюлера, в том, что ориентация в реальном пространстве предполагает определенную степень «гармоничной ориентированности <...> в том упорядоченном строе, в

котором расположено указуемое» [4, с. 114]. Но обстоятельства меняются, когда говорящий / рассказчик вводит слушателя в мир фантазии, поскольку «при указании на воображаемое отпадают те доязыковые вспомогательные средства указания, которые необходимы для *demonstratio ad oculos*» [4, с. 114–115]. Слушающий включает свое «духовное зрение». Используя образ Магомеда и горы, К. Бюлер описывает три основных случая дейксиса к воображаемому. Первый случай, лежащий в основе других, — это воображаемые ситуации (*Situations-Phantasmata*), которые являются «объектом указания». Ключевым словом к нему К. Бюлер определяет «перенесение»: «Образно говоря, либо Магомет идет к горе, либо гора к Магомету. Причем гора, между прочим, во многих случаях жизни намного уступчивей, чем в притче. Нередко воображаемое (особенно когда речь идет о таких подвижных объектах, как люди) приходит к нам, то есть вставляется в имеющуюся перцептивную иерархию (*Wahrnehmung-sordnung*), и его можно если не просто «увидеть», то хотя бы локализовать в ней» [4, с. 122]. Появившийся в поле «духовного зрения» объект располагается в реальной системе координат по отношению к говорящему / слушающему. Это первый, основной случай, и его следует рассматривать как типический.

Диаметрально противоположная ситуация наблюдается во втором основном случае, когда Магомет идет к горе. «После мысленного перенесения в географическое место воображаемое воспринимается духовным зрением с определенной перцептивной точки (*Aufnahmestandpunkt*), в которой находится говорящий / пишущий (слушающий / читающий). Передвижение осуществляется быстро и скачкообразно. Из всего реального пространства выхватываются отдельные детали, представляющие интерес для говорящего и слушающего. Подобная скачкообразность характерна для описания местности:

Wenn mir ganz früh morgens die Sonne *zu* blinzelt, ist *die Stadt Darmstadt* noch ganz still. *Links im Herrengarten* singen die Vögel, *mein Gegenüber* sind die alten Gebäude des Museums und Theaters, *rechts* liegen die Türme, Kuppeln und Dächer des Schlosses, der Stadtkirchen und des weissen Turms.

Im Süden führt unmittelbar *an meinem Haus* eine Hauptverkehrsstrasse *vorbei*, *begrenzt* von einem Wirrwarr hässlicher *Hinterhoffassaden*. *Dahinter* liegt die *Innenstadt*, der Odenwald mit seinen Burgtürmen, die Bergstrasse. *Mitten durch* das Dachgewirr-Panorama donnert der Verkehrsstrom der rush-hour [21, с. 56].

Третий случай представляется К. Бюлером в качестве теоретического конструкта. «Его опознавательный признак заключается в том, что переживающий субъект в состоянии показать пальцем направление, в котором духовным зрением воспринимается отсутствующее» [4, с. 123]. Именно третий случай представляет собой пример включения воображаемого пространства в структуру причинно-следственных отношений наряду с указанием на него.

Понятие *пространство* или категория *локативности* проявляют себя как вторичное по отношению к предмету, который первичен. Это понятие возникает в нашем сознании только тогда, когда необходимо определить различия, имеющиеся у реально существующих предметов. Только в этом случае в нашем сознании возникает пространство как необходимое условие реализации мысли [27, с. 87]. Из этого следует, что *локативность* как фактор, влияющий на особенности репрезентации причинно-следственных отношений, может проявляться в основном в тех случаях, когда синкретизм некоторых союзов, вводящих придаточные предложения места, позволяет передать наряду со значением локативности еще и значение обусловленности.

Сложноподчиненные предложения с придаточным места, которые передают в речи ситуацию ориентации или нахождения в пространстве, вводятся союзами *wo*,

wohin, woher, soweit. Категория локативности, представленная во всех придаточных предложениях места, подобно категории темпоральности, может быть синкретичной с причинной обусловленностью, иными словами, пространственное положение обуславливает какое-либо действие или состояние. Чаще всего это происходит в тех случаях, когда локативность включает в себя понятие места в широком смысле слова.

(Dort,) wo das Land bewässert wird, sind die Ernteerträge hoch.

Wo in der Wüste Quellen sind, (da) gibt es fruchtbare Oasen.

В.-Д. Цилински предлагает особый маркер, позволяющий отличать не осложненные придаточные предложения места от придаточных предложений места, осложненных уступительным значением. И тот, и другой тип придаточных предложений появляется после группы с союзами *wo*, *wohin*, *woher* (или: *wo auch immer*; *wohin auch immer*; *woher auch immer*). Предлагаемым маркером является порядок слов в главном предложении. В предложении, осложненном значением уступки, спрягаемый глагол стоит на первом месте (если главное предложение следует за придаточным предложением); в том случае, если доминирующим является значение локальности, спрягаемый глагол занимает обычное второе место.

Wo (auch) immer der Sänger auftrat, wurde er vom Publikum gefeiert. (Уступка).

Wo (auch) immer der Sänger auftrat, er wurde vom Publikum gefeiert.

Wohin ich auch (immer) ging, folgte mir der Hund. (Уступка).

Wohin ich auch (immer) ging, der Hund folgte mir [29, с. 170–171].

При наличии коррелятов *dort* или *da*, которые сами по себе многозначны, возникает синкретизм локативности и обусловленности:

Wo so viel auf dem Spiel steht, (da) fällt die Entscheidung nicht leicht.

Локативность, репрезентированная в языке, служит в качестве пресуппозицион-

ного фона для формирования умозаключений, то есть для инференциальной деятельности человека:

Um die bronzene Haustür rankte sich ein Arrangement aus Tannenzweigen, Lichterketten und roten Schleifen. *Aus dem Inneren des Palastes* kam gedämpftes Stimmengewirr.

“ — Hast du noch mehr Besuch? fragte ich überrascht” [25, с. 34].

Роль причины в приведенном отрывке выполняет языковая репрезентация пространства (*Aus dem Inneren des Palastes*), а следствие вербализуется репликой героини.

Пространственное восприятие окружающей действительности, или ментальные карты, находят свое выражение в образной речи. Включение пространственных ориентиров в отношении обусловленности часто приводит к асимметрии стандартной причинно-следственной структуры:

“ — So legen Sie doch ab,“ — heuchelte ich errötend. Mein Gott, der Kerl sah ja aus wie ein Vertreter *aus Lappland*!! [25, с. 45].

Предложение *Der Kerl sah ja aus wie ein Vertreter aus Lappland* является частью умозаключающей конструкции. Ссылка на определенную локальную ситуацию позволяет сократить развернутую структуру умозаключения до минимума, что приводит к асимметрии всего умозаключения. Благодаря включению географического референта, мы имеем возможность перенестись в эту часть Земли и, сравнив вид «типа» с видом их жителей, сделать соответствующий вывод.

Объяснение мотивов поведения или состояния часто с необходимостью включает в себя и пространственные ориентиры, которые явились причиной / условием того или иного поступка / состояния:

Vielleicht *fühlte er sich* auch nur einsam. Seine Mutter *war* bestimmt schon *im Bett* [25, с. 43].

Проблеме категории локативности и ее языковой репрезентации посвящен ряд диссертаций, в которых к их исследованию подходили с использованием разных мето-

дов: метода полевого структурирования [2], метода синтаксемного анализа [3; 8], с позиций семантического синтаксиса [15; 13; 10]. М. И. Лещенко, например, говоря о локативе, рассматривает его в качестве структурного элемента семантических предикатов, которые отражают ситуации движения, каузируемого перемещения, местоположения субъекта в пространстве, местоположения объекта в пространстве, каузированного местоположения, бытия [10, с. 106–107].

Проведенное исследование показало, что вышеуказанные семантические типы предикатов включаются в структуры со значением 'причина — следствие' и образуют би-предикативную конструкцию, один из предикатов которой имеет отношение к категории локативности.

Ситуация движения

Dort angekommen, fühlte ich mich glücklich und ausgeglichen wie ein Schneekönigin [25, с. 77].

Gingen wir nach der Schule die Hauptstrasse hinunter, erzählte sie mir von ihrem Fritz [26, с. 36].

В ситуации движения глагол с семантикой 'перемещение в пространстве' включается в причинно-следственные отношения, являясь либо *причиной* (*dort angekommen*) определенного чувства (*fühlte ich mich glücklich und ausgeglichen*), либо *сопутствующим условием* (*gingen hinunter*) для другого действия (*erzählte*).

Ситуация каузируемого перемещения

Der aß nur, wenn ihm die Großmutter den Löffel zwischen die Lippen zwängte und dabei auf ihn loskeifte [26, с. 38].

Каузируемое перемещение (*zwängte zwischen die Lippen*) обуславливает другое действие (*aß*).

Местоположение субъекта в пространстве

Alma mater war jedoch hoch erfreut über die Idee, mit uns am gelben Bettbezug im Regen vor der Hecke zu sitzen [25, с. 204].

Местоположение субъекта в пространстве (*mit uns am gelben Bettbezug im Regen vor*

der Hecke zu sitzen) связано причинно-следственными отношениями с настроением и чувствами субъекта (*war erfreut*).

Местоположение объекта в пространстве

...kommt doch auch kein Mensch zu ihnen, denn der Ort, wo sie wohnen, ist ja wie verbannt und vehext, so dass sich auch die vorwitzigsten Bursche nicht hingetrauen" [28, с. 53].

В данном случае в качестве объекта выступает само определение пространства (*der Ort, wo sie wohnen*), и описание этого пространства поясняет причину, по которой люди боятся туда заходить (*kommt doch auch kein Mensch zu ihnen*).

Каузированное местоположение

— Wenn du nichts dagegen hast, dann bleiben wir jetzt beim Du, sagte Enno" [25, с. 58].

Местоположение субъекта связано с разрешением принимающей стороны и является основным *условием* нахождения субъекта в определенном месте (*bleiben beim Du*), иными словами, разрешение остаться каузирует новое местоположение субъекта.

Бытие

Mein Enno wohnt zwar noch bei mir, aber er ist doch die meiste Zeit in seiner Kanzlei [25, с. 9].

В уступительном сложноподчиненном предложении соединились в би-предикативную структуру два вида нахождения субъекта в пространстве (*wohnt bei mir* и *ist in seiner Kanzlei*).

Как свидетельствуют вышеприведенные примеры, причинно-следственные отношения, в которых присутствует значение пространственной локализации, характеризуются наличием глаголов, относящихся к узкой группе логико-семантических типов предикатов. В первую очередь, это так называемые агентивно-локативные предикаты, к которым можно отнести глаголы с семантикой *gehen* и *kommen*. Они могут быть отнесены к группе «динамических» предикатов [11, с. 126]. Агентивно-локативный предикат в состоянии отразить все аспекты

движения: движущийся субъект (агентив — **a**) или объект, с помощью которого совершается действие (медиатив — **m**), местоположение (**lok**), направление движения (**dir**), маршрут или место перемещения (**itin**) [1, с. 125–126]. Рассмотрим в качестве примера предложение из повести Э. Т. А. Гофмана «Золотой горшок». Этим предложением начинается повесть, и автор виртуозно включил в него все аспекты движения и перемещения героя, чтобы с первой фразы дать читателю представление не только о месте действия, но, самое главное, о свойствах характера героя.

Am Himelfahrtstage, nachmittags um drei Uhr, rannte ein junger Mensch (a) in Dresden (lok) durchs Schwarze Tor (dir) und geradezu in einen Korb (itin) mit Äpfeln und Kuchen hinein... [20, с. 135]

Способ передвижения в пространстве может также являться условием выявления сходства, при этом сам способ передвижения выступает в качестве наиболее характерной черты описываемого субъекта.

Überhaupt hatte sie Ähnlichkeit mit Tootsie! Allerdings nur, wenn sie *rannte*. [25, с. 228].

Чертой, благодаря которой выявляется сходство, становится семантический предикат движения (*rannte*). В результате мы на-

блюдаем компрессию причинно-следственной структуры, а сам предикат побуждает реципиента совершить определенные инференциальные действия: Wenn sie *rannte*, hatte sie Ähnlichkeit mit Tootsie.

Для причинно-следственных структур, содержащих пропозицию со значением 'локальность' в широком смысле слова, характерна частичная актуализация ситуации ориентации в пространстве. Говорящее лицо стремится, во-первых, выразить одну из сторон отражаемой пропозицией ситуации, во-вторых, некоторые аргументы остаются в пресуппозиции, так как содержатся в сознании говорящих, а также эксплицируются ситуацией или контекстом [10, с. 109].

Отношения причины — следствия, осложненные локативами, могут быть представлены как сложноподчиненными, так и сложносочиненными предложениями. Возможны также неполные, эллиптические конструкции. Синкретизм локативности и обусловленности не имеет таких жестких рамок, как синкретизм темпоральности и обусловленности, поскольку локативность всегда предметна и может не только проявляться в семантике предиката, но и сопутствовать предикату в виде локатива или пространственного дейксиса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства. М.: Наука, 1974. 367 с.
2. Бадхен М. В. Поле пространственной локализованности в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981. 21 с.
3. Белинская Г. П. Парадигматический ряд субстанциональных локативных систем и их вариантов в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981. 19 с.
4. Бюлер К. Теория языка. М.: Прогресс, 1993. 528 с.
5. Еремеевская Н. П. Типы синтаксической связи в сложном предложении (свн период): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1988. 24 с.
6. Калмыкова Г. А. Семантико-синтаксическая единица импликации и способы ее вербализации (на материале немецких романтических сказок): Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 1994. 204 с.
7. Калмыкова Г. А. Структура каузальности. Ульяновск: УлГПУ, 2007. 237 с.
8. Киличев Р. А. Локативные элементы в структуре французского предложения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. 18 с.
9. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978. 543 с.
10. Леценко М. И. Виртуальный и актуальный аспекты предложения: Дис. д-ра филол. наук. Минск, 1988. 347 с.
11. Мразек Р. Синтаксическая дистрибуция глаголов и их классы // ВЯ. 1964. № 3. С. 50–56.

12. Олешков М. Ю. Дейксис в институциональном дискурсе // Актуальные проблемы общего и регионального языкознания: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием 28 октября 2008 года, II. Уфа: Изд-во БГПУ, 2008. С. 73–77.
13. Попко Т. Г. Семантическая структура локального предиката в современном французском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1987. 154 с.
14. Сухая Е. В. Выразительные возможности персонального и пространственного дейксиса в художественном повествовании (на материале романа Дж. М. Кейна «Почтальон всегда звонит дважды») // Проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации. 2011. М.: Изд-во МГОУ. Вып. 10. С. 267–273.
15. Транов А. А. Локативный синкретизм в семантической структуре простого предложения современного французского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. 16 с.
16. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука, 1992. 281 с.
17. Brecht R. D. Deixis in embedded structures // Foundations of Language. International Journal of Language and Philosophy. Dordrecht-Holland: D. Reitel Publishing Company, 1974. Vol. 11. № 4. P. 489–518.
18. Fillmore Ch. J. Towards a descriptive framework for spatial deixis // Speech, Space and Action: Studies in Deixis and Related topics. R. Jarvella, W. Klein (eds.). New-York: John Wiley & Sons, 1982. P. 31–59.
19. Hauff W. Die Geschichte von dem kleinen Muck // Deutsche romantische Märchen M.: Progress, 1980. S. 345–370.
20. Hoffmann E. T. A. Der goldne Topf / Deutsche romantische Märchen M.: Progress, 1980. S. 133–250.
21. Hoffmann O. / Tetzeli von Rosador H.-J., Neyf-Münkel G., Latour B. Wege. Lehrwerk für die Mittelstufe und zur Studienvorbereitung, D. Eggers (Hrsg.). Ismaning: Max Hueber Verlag, 1999. S. 56–57.
22. Jung W. Grammatik der deutschen Sprache. СПб.: Лань, 1996. 544 с.
23. Lakoff R. Remarks on this and that / Berkeley Studies in Syntax and Semantics. L.: The MIT Press, 1974. P. 345–356.
24. Lind H. Das Superweib. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1995. 400 s.
25. Levinson S. C. Pragmatik. Tübingen: Niemeyer, 1994. 422 s.
26. Nöstlinger Ch. Zwei Wochen im Mai. Weinheim und Basel: Belz Verlag, 1989. 208 s.
27. Pöppel E. Orientierung in Zeit und Raum / Gemachte und gedachte Welten. Schiefenhövel W., Vogel Ch., Vollmer G., Opjka U. (Hrsg.). Stuttgart: TRIAS, 1994. S. 71–93.
28. Tieck L. Die Elfen / Deutsche romantische Märchen M.: Progress, 1980. S. 49–78.
29. Zielinski W.-D. ABC der deutsche Nebensätze. Einführung und Übungen. München: Max Hueber Verlag, 1998. 191 s.

REFERENCES

1. Apresjan Jz. D. Leksicheskaja semantika: Sinonimicheskie sredstva. M.: Nauka, 1974. 367 s.
2. Badhen M. V. Pole prostranstvennoj lokalizovannosti v sovremennom anglijskom jazyke: Avtoref. dis. ... k.f.n. L., 1981. 21 s.
3. Belinskaja G. P. Paradigmaticeskij rjad substantcional'nyh lokativnyh sistem i ih variantov v sovremennom anglijskom jazyke: Avtoref. dis. ... k.f.n. L., 1981. 19 s.
4. Bjuler K. Teorija jazyka. M.: Progress, 1993. 528 s.
5. Eremeevskaja N. P. Tipy sintaksicheskoi svyazi v slozhnom predlozhenii (svn period): Avtoreferat dis. ... k.f.n. M., 1988. 24 s.
6. Kalmykova G. A. Semantiko-sintaksicheskaja edinitsa implikatsii i sposoby je verbalizatsii (na materiale nemeckih romanticheskikh skazok): Dis. ... k.f.n. N. Novgorod, 1994. 204 s.
7. Kalmykova G. A. Struktura kauzal'nosti. Ul'janovsk: UIGPU, 2007. 237 s.
8. Kilichev R. A. Lokativnye elementy v strukture frantsuzskogo predlozhenija: Avtoref. dis. ... k.f.n. M., 1984. 18 s.
9. Lajonz Dzh. Vvedenie v teoreticheskiju lingvistiku. M.: Progress, 1978. 543 s.
10. Leshchenko M. I. Virtual'nyj i aktual'nyj aspekty predlozhenija: Dis. d-ra f.n. Minsk, 1988. 347 s.
11. Mrazek R. Sintaksicheskaja distributsija glagolov i ih klassy // VJA. 1964. № 3. S. 50–56.
12. Oleshkov M. Ju. Dejksis v institucional'nom diskurse // Aktual'nye problemy obwego i regional'nogo jazykoznanija: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem 28 oktjabrja 2008 goda, II. Ufa: Izd-vo BGPU, 2008. S. 73–77.

13. *Popko T. G.* Semanticheskaja struktura lokal'nogo predikata v sovremennom frantsuzskom jazyke: Dis. ... k.f.n. Minsk, 1987. 154 s.
14. *Suhaja E. V.* Vyrzitel'nye vozmozhnosti personal'nogo i prostranstvennogo dejksisa v hudozhestvennom povestvovanii (na materiale romana Dzh.M. Kejna «Pochtal'on vseгда звонit dvazhdy») / Problemy lingvistiki i mezhkul'turnoj kommunikatsii. Vyp. 10, 2011. M.: Izd-vo MGOU. S. 267–273.
15. *Tranov A. A.* Lokativnyj sinkretizm v semanticheskoi strukture prostogo predlozhenija sovremennogo frantsuzskogo jazyka: Avtoref. dis. ... k.f.n. M., 1980. 16 s.
16. Chelovecheskij faktor v jazyke: Kommunikatsija, modal'nost', dejksis. M.: Nauka, 1992. 281 s.
17. *Brecht R. D.* Deixis in embedded structures // Foundations of Language. International Journal of Language and Philosophy. Dordrecht-Holland: D. Reitel Publishing Company, 1974. Vol. 11. № 4. P. 489–518.
18. *Fillmore Ch. J.* Towards a descriptive framework for spatial deixis // Speech, Space and Action: Studies in Deixis and Related topics. R. Jarvella, W. Klein (eds.). New-York: John Wiley & Sons, 1982. P. 31–59.
19. Hauff W. Die Geschichte von dem kleinen Muck // Deutsche romantische Märchen M.: Progress, 1980. S. 345–370.
20. *Hoffmann E. T. A.* Der goldne Topf / Deutsche romantische Märchen M.: Progress, 1980. S. 133–250.
21. *Hoffmann O.* / Tetzeli von Rosador H.-J., Neyf-Münkel G., Latour B. Wege. Lehrwerk für die Mittelstufe und zur Studienvorbereitung, D. Eggers (Hrsg.). Ismanig: Max Hueber Verlag, 1999. S. 56–57.
22. *Jung W.* Grammatik der deutschen Sprache. СПб.: Лань, 1996. 544 с.
23. *Lakoff R.* Remarks on this and that / Berkeley Studies in Syntax and Semantics. L.: The MIT Press, 1974. P. 345–356.
24. *Lind H.* Das Superweib. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1995. 400 s.
25. *Levinson S. C.* Pragmatik. Tübingen: Niemeyer, 1994. 422 s.
26. *Nöstlinger Ch.* Zwei Wochen im Mai. Weinheim und Basel: Belz Verlag, 1989. 208 s.
27. *Pöppel E.* Orientierung in Zeit und Raum / Gemachte und gedachte Welten. Schiefenhövel W., Vogel Ch., Vollmer G., Opjka U. (Hrsg.). Stuttgart: TRIAS, 1994. S. 71–93.
28. *Tieck L.* Die Elfen / Deutsche romantische Märchen M.: Progress, 1980. S. 49–78.
29. *Zielinski W.-D.* ABC der deutsche Nebensätze. Einführung und Übungen. München: Max Hueber Verlag, 1998. 191 s.

М. Ч. Кремшокалова

МАЛЫЕ ЖАНРЫ УСТНОЙ РЕЧИ КАК КУЛЬТУРНО МАРКИРОВАННЫЕ ТЕКСТЫ

Предпринята попытка исследования культурного сознания народа и его ценностных представлений через «малые» жанры устной речи. На примере жанра «тост» в разных языках показана особенность построения текста, его проекция на традиции, прагматику, с одной стороны, а также религиозно-мифологические представления — с другой.

Ключевые слова: речевой жанр, тост, интенциональность, дискурсивное пространство, мифологическое сознание, ценности, оптатив.

М. Kremshokalova

Small Oral Genres as a Culturally Marked Texts

The article explores the cultural consciousness of the people and value conceptions through small genres of speech. On the example of the genre 'toast' in different languages shows a particular feature of the text, its projection on the tradition and pragmatics, and on religious and mythological ideas.